

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Вып. 3

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII-XX ВЕКОВ**

ЦИТАТА, РЕМИНИСЦЕНЦИЯ, МОТИВ, СЮЖЕТ, ЖАНР

Редакционная коллегия:

профессор *В.Н.Захаров* (ответственный редактор),
доцент *А.Е.Кунильский*, профессор *В.М.Маркович*,
профессор *А.Б.Муратов*, профессор *Т.Г.Мальчукова*,
доцент *Л.И.Мальчуков*, профессор *Е.М.Неёлов*,
профессор *Д.П.Николаев*, профессор *В.Е.Хализев*

THE PROBLEMS OF HISTORICAL POETIC

Vol. 3

THE GOSPEL TEXT IN LITERATURE OF 18th-20th CENTURIES

QUOTATION, REMINISCENCE, MOTIVE, PLOT, GENRE

Edited by
V. Zakharov

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII-XX ВЕКОВ**

*ЦИТАТА, РЕМИНИСЦЕНЦИЯ,
МОТИВ, СЮЖЕТ, ЖАНР*

Сборник научных трудов

ПЕТРОЗАВОДСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1994

Сборник составлен на основе материалов I Международной конференции "Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр", которая проходила в Петрозаводском университете 7-12 июня 1993 года.

Авторы публикуемых статей предлагают новый взгляд на историю русской литературы, рассматривая ее "евангельский текст" как в христианском, так и в антихристианском контексте недавней истории России.

Ответственный редактор

В. Н. Захаров

Edited by

V. Zakharov

*В оформлении суперобложки использованы символы
евангелистов Матфея и Иоанна
из Евангелия Хитрово (Андрей Рублев)*

Е $\frac{4603020101}{Д26(03) - 94}$ 46 - 94

© Издательство Петрозаводского
университета, 1994

ISBN 5-230-09007-3

В. Н. ЗАХАРОВ

Петрозаводский государственный университет

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХРИСТИАНСТВО

В написанной истории русской литературы есть немало недоразумений, и самое большое - непонимание ее духовной сущности. За последнее столетие много сказано о национальном своеобразии русской литературы, но не сказано убедительно главное: *русская литература была христианской*. Это утверждение можно было бы принять за аксиому, но, к сожалению, приходится доказывать очевидное.

Волга впадает в Каспийское море, человек дышит воздухом, пьет воду - задумывался ли об этом вплоть до недавнего времени человек? Когда это составляло естественный образ жизни человека и общества, оно не нуждалось в объяснениях. Их потребность возникла, когда прервалась тысячелетняя традиция и был разрушен христианский мир русской жизни.

О христианском характере русской литературы молчало и не могло не молчать по идеологическим причинам советское литературоведение: немногие молчали по запрету, большинство - по неведению. Но молчали и те, кто был свободен и мог сказать. Помимо конфессиональных различий, вызывающих своеобразную невосприимчивость и, если хотите, эстетическую "глухоту", есть и психологический аспект проблемы: молчание заразительно. Когда молчат все, возникает ощущение, будто нет и явления.

Если верить школьным и университетским учебникам, то русская литература всех веков была озабочена государственными деяниями, а последние два века только и делала, что готовила и осуществляла революцию. История литературы представляла в этих учебниках как история государства, история общества, развития общественной идеологии, марксистской борьбы классов, политической борьбы. Примерами все можно доказать - было и это, но в целом русская литература имела иной характер.

Со всей определенностью необходимо заявить: *нужна новая концепция русской литературы*, которая учитывала бы ее подлинные национальные и духовные истоки и традиции.

Есть народы, у которых письменность и литература появились задолго до принятия, а то и возникновения христианства. Так, не только христианский мир, но и человечество многим обязано античной литературе - греческой и латинской.

Есть народы, а это китайцы, индийцы, евреи, японцы, которые не приняли христианство, тем не менее имеют древнюю и богатую литературу.

Два народа, евреи и греки, дали христианскому миру Священное Писание - Ветхий и Новый Завет. И не случайно первой книгой многих народов, принявших христианство, в том числе и славян, стало Евангелие.

У многих народов литература появилась позже принятия христианства.

Крещение явило Древней Руси и письменность, и литературу. Это историческое совпадение определило концепцию, исключительное значение и высокий авторитет русской литературы в духовной жизни народа и государства. Крещение дало идеал и предопределило содержание русской литературы, которое в своих существенных чертах осталось неизменным в длительном процессе секуляризации и беллетризации того изначального духовного "зерна", из которого проросла русская литература.

"Литература" - пожалуй, наименее удачное слово для определения той сферы духовной деятельности, которая в русской культуре названа этим словом. Латинская *литера*, греческая *грамма* - в русском переводе *буква*, но из этих корней произошли разные слова: *литература*, *грамматика*, *букварь*. Точнее было бы назвать славянскую, а потом и русскую письменность другим словом. Из всех слов лучше всего подходит не *литера* (литература), не *книга* (книжность), а само *слово*, причем *Слово* с большой буквы - его откровение было явлено Крещением Руси, обретением Евангелия, Слова Христова.

На протяжении последних десяти веков у нас была не столько литература, сколько *христианская словесность*. Если мы не будем учитывать этот факт и будем искать, скажем, в словесности первых семи веков только "литературу" (или светскую, мирскую книжность), то в ее круг войдет узкий круг произведений, способных или к светскому, или к двойному, церковному и мирскому, бытию (например, Житие, История или Повесть об Александре Невском), а за ее пределами окажется огромная, к сожалению, и сейчас малоизученная, во многом разграбленная и утраченная за последние семьдесят лет высокая христианская словесность, создававшаяся в монастырях и хранившаяся в монастырских библиотеках.

За последнее и пока единственное тысячелетие ее существования в России возник оригинальный "евангельский текст", в создании которого участвовали многие, если не все поэты, прозаики, философы. И не только они.

Кирилл и Мефодий дали славянам не только письменность, предназначили ее для выражения Слова Христова, но и перевели на церковно-славянский язык необходимые для богослужения книги, и в первую очередь, Евангелие, Апостол, Псалтырь. Уже изначально в "евангельский текст" вошли и новозаветные, и ветхозаветные произведения. Из Ветхого Завета христианство восприняло любовь к единому Богу-Творцу и сделало своим жанром псалмы, усвоило библейскую премудрость и ввело в круг обязательного чтения Притчи царя Соломона, признало Священную историю Моисеева Пятикнижия - историю творения Богом мира и его последующего со-творения людьми.

"Евангельский текст" - научная метафора. Она включает в себя не только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и псалтырь, и книгу Иова - словом, все то, что сопутствовало Евангелию в повседневной и праздничной церковной жизни. Но этот "текст" не только в метафорическом, переносном, но и в прямом значении до сих пор не выделен в русской словесности.

Когда-то им не интересовались особо, потому что для одних это было настолько привычно, что не замечалось, - знакомое не узнается. Для других модное поветрие "нигилизм" затронуло все сферы духовной жизни, проникло в религиозное сознание - и отрицание тем более бесплодно. В советские времена заниматься этим было запрещено цензурой, упразднившей не только тему и проблематику подобных исследований, но и заглавное написание слов Бог и другой религиозной и церковной лексики. Достаточно сказать, что это нанесло заметный ущерб советской текстологии: сейчас нет ни одного авторитетного издания русской классики, включая академические собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Чехова.

Русская словесность долго сохраняла сакральность тем Бога, Христа и Церкви в мирском обсуждении, и на страже этого стояли нормы церковной и народной этики, нарушенные Никонской реформой, а позже Священный Синод. Никоновская реформа вызвала не только взрыв церковной публицистики, но и дала мощный толчок процессу секуляризации христианской культуры. Начиная с XVIII века, когда у нас в полном смысле этого слова появилась светская словесность, Бог, Христос, христианство стали литературными темами. И первой проявила этот новый подход русская поэзия, которая сложила свою хвалу Богу.

О Божиим величестве пел Михайло Ломоносов в своих знаменитых одах (Утреннем и Вечернем размышлениях), но кто проник в его восторженные слова, кто дал ответы на его бесстрашные вопросы?

Духовная поэзия стала призванием многих, почти всех поэтов XVIII века - и прежде всего гениального Державина, создавшего не только оду "Бог", но и оду "Христос", оставившего огромное наследие не издававшихся в советские времена духовных стихов. Кто их читал? Они до сих пор недоступны и студентам, и просто читателям.

Духовная поэзия XVIII века не была сугубо русским явлением. Это примечательная особенность всей европейской поэзии, поэтому не случайно русские поэты переводили не только библейские псалмы, но и образцы христианской поэзии английских и немецких пасторов, и примечательно, что этому соотворчеству не мешали конфессиональные проблемы. Сейчас в критике чаще всего говорят о пантеизме этих поэтов, хотя точнее было бы вести речь о христианской поэзии.

Не выделен "евангельский текст" в творчестве многих классиков русской литературы, даже у Достоевского; не прочитаны как христианские поэты даже Тютчев и Фет, не говоря уже о Жуковском, Вяземском, Языкове, Хомякове, Случевском, Константине Романове и многих-многих других. Это в полной мере относится к христианской поэзии А. Блока, М. Волошина, Б. Пастернака, А. Ахматовой. И конечно, полнее всего христианский характер раскрылся в литературе русского зарубежья, которая жила памятью былой христианской России, лелеяла исторический образ Святой Руси.

Сказав *Аз*, назовем и *Буки*, чтобы из них сложилось "слово" - еще одна азбучная истина: *русская литература была не только христианской, но и православной*. На это обращают еще меньше внимания, чем на христианское значение русской словесности.

Разделение единой христианской Церкви на Западную и Восточную, начавшееся в 1054 году и завершившееся в 1204 году падением Константинополя, имело свои не всегда очевидные для современного читателя русской литературы последствия. Более определенно выразился византийский характер русского православия. Великая греческая христианская словесность, возникшая на почве античной поэзии и ветхозаветной мудрости, образовала русское национальное самосознание. Православие не только признало лишь первые семь из двадцати одного вселенского собора, но и сохранило сложившийся к тому времени христианский календарь: установило главным праздником ("праздником праздников, торжеством из торжеств") Пасху - восхождение Христа, а не Рождество, как в За-

падной церкви; отмечает все двенадцатые праздники, в том числе Сретение Господа Симеоном, Преображение Господне и День Воздвижения Креста Господня. Они усилили в православии искупительную и страдательную роль Христа и их церковное значение. Идеи преображения, страдания, искупления и спасения стали характерными идеями русского религиозного менталитета.

Среди различных дисциплин, которые начинаются словом *этно-*, явно не хватает еще одной - *этнопоэтики*, которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе. Она должна дать ответ, что делает данную литературу национальной, в нашем случае - что делает русскую литературу *русской*. Чтобы понять то, что говорили своим читателям русские поэты и прозаики, нужно знать православие. Православный церковный быт был естественным образом жизни русского человека и литературных героев, он определял жизнь не только верующего большинства, но и атеистического меньшинства русского общества; православно-христианским оказывался и художественный хронотоп даже тех произведений русской литературы, в которых он не был сознательно задан автором.

Поясню это на конкретных примерах.

Русские писатели охотно крестили своих литературных героев, давая им неслучайные христианские имена и фамилии. Символический смысл их имен не всегда очевиден читателю, нетвердо знающему общехристианские и православные святы.

Православие ввело своих святых и осталось верным Юлианскому календарю. Так, действие романа "Идиот" начинается в среду 27 ноября. Накануне 26-го был осенний Юрьев день, введенный Владимиром Мономахом. Общехристианским днем Святого Георгия является весенний Юрьев день. В эти весенние и осенние дни (неделю до и неделю после) русские крестьяне имели право менять своих хозяев - переходить от одного к другому. Этот обычай держался до конца XVI века. Конечно же, не случайно уход Настасьи Филипповны от Тоцкого приурочен к этому дню и скандально объявлен в день ее рождения.

Сугубо православные праздники - Преображение и Воздвижение Креста Господня. Действие романа "Бесы" приурочено к 14-му сентября, к Крестовоздвиженскому празднику, что сразу обращает внимание на символический смысл фамилии героя "Бесов" Ставрогина (*stavros* - по-гречески *крест*). Именно в этот день мог начаться, но не состоялся искупительный подвиг великого грешника.

В пасхальном рассказе Достоевского "Мужик Марей", действие которого происходит на "второй день светлого праздника", герою припомнился случай, бывший с ним в начале августа, а это время православного Преображения. Этот случай, в котором, по словам Достоевского, "может быть", принял участие Бог, был для Достоевского своего рода почвенническим "символом веры".

Идея Преображения - одна из глубоких православных идей. В жизни Христа был день, когда он с учениками взошел на гору Фавор и "преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет" (Матф. VIII, 1-2). "Сын Человеческий" открыл ученикам, что Он - "Сын Бога Живаго". Этот день - по стихам Юрия Живаго из пастернаковского романа, "Шестое августа по-старому, Преображение Господне". И это очевидная подсказка, кто доктор Живаго, откуда у него такая редкая фамилия, что стоит за его гамлетовской нерешительностью. В этом символический смысл евангельских сюжетов стихов героя: "На Страстной" (Пасха), "Август" (Преображение), "Рождественская звезда" (Рождество), "Чудо" с категорическим утверждением: "Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог", "Дурные дни", две "Магдалины" и "Гефсиманский сад" с пророчеством:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

В имени, отчестве и фамилии героя (Юрий Андреевич Живаго) есть и иные символические смыслы: Юрий - Георгий Победоносец - победитель змея (и зла) - символ русской государственности - эмблема Москвы; Андреевич - Андрей Первозванный - один из 12 апостолов Христа, по преданию, дошедший после его распятия с проповедью до языческого Киева.

Случайно или нет то, что русское эстетическое сознание оказалось неспособным создать образ Злого Духа, достойный гетевского Мефистофеля? Русский демон - странное существо. Он не зол, а "злобен", а подчас и просто незлобив в своей незадачливости. Неудачливы и смешны черти Гоголя, сказочные бесы Пушкина. Не вышел чином, чем обидел героя, черт Ивана Карамазова. Пушкинский Демон, "дух отрицанья, дух сомнения", готов признать идеал и правоту Ангела: "Не все я в небе ненавидел. Не все я в мире отрицал". Даже дерзновенный лермонтовский Демон готов примириться с Небом, ему наскучило зло, он готов признать силу любви. И почему позже русский бес выродился в "мелкого беса"? Почему вопреки служению

Волад творит добро, помогая Мастеру, создавшему роман о Христе? Не потому ли, что в истории православия не было инквизиции и христианское отношение к человеку проявилось и в отношении к Злому Духу? Не здесь ли разгадка мученической судьбы русской православной церкви в годы гражданской войны и в двадцатые-тридцатые годы? Впрочем, Достоевский говорил и не раз доказывал в своих произведениях, что смирение - великая сила, и история подтвердила правоту этих слов.

В отношении к христианству русская литература была неизменна, хотя были и антихристианские писатели, и таких было много в советской литературе. Их отрицание Христа и христианства не было последовательным и однозначным, но четко декларированным в двадцатые-пятидесятые годы. Впрочем, пройдя эпоху классово-борьбы и ожесточение социалистического строительства, и советская литература обнаружила глубокую связь с предшествующей традицией, назвав многое из христианского идеала общечеловеческими гуманистическими ценностями. И, пожалуй, самое главное: и в советской литературе сохранились христианские писатели - назову самых знаменитых: Борис Пастернак, Анна Ахматова, Александр Солженицын. И хотя их и объявляли антисоветскими писателями, отлучить их от русской литературы оказалось невозможным. В том, что писали Горький, Фадеев, Маяковский, Шолохов и другие, была своя правда, но правда историческая - она в прошлом, будущее за иной заповеданной правдой.

Сейчас литература пребывает в жестоком кризисе. Не все писатели его переживут, но у русской словесности глубокие тысячелетние корни и лежат они в христианской православной культуре, а это значит, что у нее всегда есть возможность воскреснуть и преобразиться.

Русская литература была христианской. Вопреки историческим обстоятельствам, она оставалась ею и в советские времена. Надеюсь, это ее будущее.